

ГЛАГОЛЬНЫЕ И НЕГЛАГОЛЬНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Навразова Х.Б.

Чеченский Государственный Педагогический Институт, Грозный, Россия (364037, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, E-mail: chechgpi@mail.ru

В статье рассматриваются понятия глагольные и неглагольные номинативные конструкции, предлагается различать названия «номинативная конструкция предложения», «номинативное предложение», «номинативный тип предложения». Утверждается, что противопоставление номинативной конструкции предложения как конструкции непереходного предложения эргативной как переходной конструкции оказывается верным только в том случае, если речь идет о конструкциях с простым глагольным сказуемым. В этом смысле объединяющее все кавказские языки эргативного строя обобщение, что эргативной конструкции противопоставляется номинативная, при которой сказуемое выражено непереходным глаголом, а подлежащее стоит в именительном падеже, не вызывает возражений. Однако номинативная конструкция выходит за эти пределы и охватывает также предложения с переходными глаголами, поэтому подобные обобщения следует делать, исходя только из противопоставления переходных глагольных конструкций с простым глагольным (финитным) сказуемым. Иначе мы не сможем объяснить, каким образом в сфере номинативной конструкции оказались предложения типа *Со книга эца воллу «Я книгу купить собираюсь»*, *Дешархо книга йоьшуш ву «Ученик книгу читая (читающий) есть»*, в переходности которых вряд ли можно сомневаться.

Ключевые слова: абсолют и абсолютная конструкция, терминологическая определенность, глагол-потенциал, эллиптические построения.

VERBAL AND NON-VERBAL NOMINATIVE CONSTRUCTIONS OF SIMPLE SENTENCES IN CHECHEN LANGUAGE

Navrazova H.B.

Chechen State Teacher training College, Grozny, Russia (364037, Chechen Republic, Grozny, Kiyevskaya St., 33, E-mail: chechgpi@mail.ru

The article examines the concepts of verbal and non-verbal nominative constructions, suggests the distinction between the concept of “nominative construction of sentence”, “nominative sentence”, “nominative type of sentence”. It is affirmed that contrasting nominative construction of a sentence as an intransitive structure to ergative construction as a transitive structure appears to be true only in the case when we are concerned about structures with simple verbal predicate. In this sense, the generalization coordinating all the Caucasian languages of ergative system “ergative construction opposes nominative, in which the predicate is expressed by intransitive verb and the subject takes the nominative case” is not objectionable. However, nominative construction is beyond of these limits and also includes sentences with transitive verbs, so such generalizations should be made only based on the opposition of transitive verbal constructions to simple verbal (finite) predicate. Otherwise we will not be able to explain how in the nominative construction sphere appear sentences like *Suo kniga ietz wollu “I’m going to buy a book”*. *Desharho kniga yoshush wu “The pupil is reading a book”*, transitivity of which can hardly be doubted.

Keywords: nominative and nominative construction, terminological distinctness, potential verb, elliptic constructions.

Номинативная конструкция предложения – это, как видно из ее названия, конструкция, в которой грамматическим субъектом (подлежащим) является *номинатив*. Однако использование терминов *номинатив* (для обозначения соответствующего падежа) и *номинативная конструкция*, когда речь идет о кавказских и в целом эргативных языках, некоторые языковеды считают не просто неудачным, а даже ошибочным. В качестве верных и приемлемых предлагаются другие – *абсолют* и *абсолютная конструкция*.

Называя *абсолютивом* падеж, который при соответствующих условиях может быть использован в качестве грамматического подлежащего (*Дешархо школе вьоду* «Ученик в школу идет») или в качестве грамматического (прямого) дополнения (*Ас дешархо тЕкхайкхира* «Я ученика подозвал»), языковеды, видимо, если не поступают правильно, то во всяком случае придерживаются определенной логики. Тем самым подчеркивается специфика этой формы, способной выполнять две грамматические функции – функцию подлежащего и функцию дополнения. Ни в каком другом качестве эта падежная форма, кстати, в предложении чеченского или какого-либо другого эргативного кавказского языка не употребляется. Вместе с тем нельзя считать правильным применение термина «абсолютная конструкция» к предложениям, в которых содержится форма абсолютива в функции подлежащего. Тем самым мы фактически уравниваем, а точнее – смешиваем две совершенно разные конструкции предложения – с одной стороны, конструкцию, в которой абсолютив является грамматическим подлежащим (двусоставную номинативную непереходную, или номинативную неглагольную, или переходную с составным или сложным сказуемым), с другой – конструкцию, в которой абсолютив является прямым дополнением. Называя же соответствующую конструкцию предложения *номинативной*, мы добиваемся терминологической определенности, подчеркивая принадлежность к этому типу конструкций предложений, в которых подлежащим является абсолютив, соотносимый с номинативом.

Понятие «номинативная конструкция предложения» употребляется нами в узком и широком смысле.

В *широком* смысле это любая конструкция предложения, в которой грамматическим субъектом (подлежащим) является абсолютив, в этой своей функции прямо соотносимый с индоевропейским номинативом. Следовательно, сюда включаются все двусоставные предложения с подлежащим не в эргативе: и непереходные глагольные предложения, и переходные с составным и сложным глагольным сказуемым, и все виды неглагольных двусоставных предложений.

Необходимо различать понятия «номинативная конструкция предложения» и «номинативное предложение», или «номинативный тип предложения»; второй термин применяется для обозначения соответствующего типа односоставных предложений, в которых главным членом является форма именительного падежа имени существительного или субстантивированного слова.

Номинативная конструкция чеченского языка (resp. и ингушского) представлена теми разновидностями, которые мы приводим и анализируем ниже. При этом следует отметить, что в приводимую типологию мы можем ввести только ингушский язык, а другой

родственный чеченскому языку – бацбийский – характеризуется существенными отличиями, связанными с развитием в нем признаков полиперсонализма и параллелизмом номинативной и эргативной конструкций «непереходного» предложения. Для бацбийского языка подобная типология, следовательно, должна быть разработана отдельно.

I. Глагольные непереходные и переходные номинативные конструкции предложения.

1. *Глагольные двусоставные предложения с простым глагольным сказуемым и подлежащим, выраженным именительным падежом имени существительного или субстантивированного слова, местоимением: Тхан юртахой тахана берриге а маьждиге дIагулбелла* «Наши односельчане сегодня все в мечети собрались»; *Маьждигехь гулбеллари ламазе дIахIиттира* «В мечети собравшиеся на намаз встали»; *Тхо кхана лам чу садаIа доьлху* «Мы завтра в горы отдыхать идем/едем». Глагольное сказуемое согласуется в классе с подлежащим во всех случаях, когда глагол принимает на себя классный показатель: *юртахой дIагул-б-елла, тхо д-оьлху*; при этом в абсолютном большинстве случаев глагол не имеет такого показателя и, следовательно, не согласуется с подлежащим в классе: *Бераш лечкьаргех ловзу* «Дети в прятки играют»; *Со селхана юртара схьакхьачна* «Я вчера из села прибыл»; *Церпошт кхузахь ца соцу* «Поезд здесь не останавливается»; *Кехат стоьл тIехь Iуьллу* «Письмо (букв. «бумага») на столе лежит» и т.д. Классное согласование глагола-сказуемого с подлежащим не связано с классной принадлежностью самой словоформы, используемой в функции подлежащего. В подобных конструкциях глагольное сказуемое согласуется с подлежащим (не имеющим падежного окончания, а, следовательно, и показателя единственного числа, в именительном падеже – [5], также в числе. Согласование в числе маркируется употреблением во множественном числе соответствующего классного показателя там, где это возможно (*Стаг в-огIу* «Человек /мужчина/идет» – *Нах б-огIу* «Люди идут»; *Йиша й-оьлху* «Сестра плачет» – *Йишарий б-оьлху* «Сестры плачут»), перегласовкой гласных основы: в инфинитиве - **а**→**ов**, во временных формах **о**→**уоь** (*Стаг соцу* «человек останавливается» - *Нах суоьцу* «Люди останавливаются»), **е** → **ев** (фонетич. **ой**) (*Стаг сеци* «Человек остановился /только что/» – *Нах севци* «Люди остановились/только что/») и т.д., противопоставлением глаголов с чередующимися комплексами **лл** → **хк** в основе (*Ваха дукха меттахь Iилдина хIокху Iай* «Ваха долго/много в постели лежал этой зимой» - *Цуьнан бераш дукха меттахь Iаьхкина хIокху Iай* «Его дети долго/много в постели лежали этой зимой»). Кстати, классное согласование и согласование в числе глагола-сказуемого с подлежащим, или вообще согласование сказуемого с подлежащим или дополнением не является общекавказской грамматической изоглоссой. Есть языки, в которых подобного согласования нет вовсе. Так, в

агульском языке «определяющее с определяемым ... не согласуется ни по классам, ни по числам и не изменяется по падежам», т.е. согласования нет вовсе [2], «Глагол агульского языка не изменяется ни по лицам, ни по грамматическим классам, ни по числам (за исключением форм повелительного наклонения, где может быть выражено число, но не всегда); поэтому глагол не согласуется с именем по лицам, по грамматическим классам и числам» [2]. Такова грамматическая связь членов предложения не только в агульском языке. С другой стороны, среди кавказских языков выделяются такие (например, хиналугский язык, а значит, и сходный с ним в этом лезгинский), в которых классные показатели «широко представлены в структуре глагола» [1], видимо, и потому, что «хиналугский язык является единственным среди горских иберийско-кавказских языков, в котором представлены грамматические классы двух рядов – первого и второго» (там же).

2. *Глагольные активные двусоставные переходные предложения с составным или сложным финитным глагольным сказуемым.* Один из компонентов составного сказуемого – инфинитив или деепричастие – является переходным глаголом, с которым при наличии соответствующих условий согласуется в классе и числе прямое дополнение. Несмотря на переходность предиката и наличие в предложении прямого дополнения, подлежащее в таких конструкциях выражается именительным падежом, с которым в классе и числе согласуется, при наличии соответствующих показателей в его структуре, второй компонент, в качестве которого часто выступают глаголы намерения, желания, начала, окончания действия и т.д.: *Со сайн книгаи дIа-й-охка в-оллу* «Я свои книги продать собираюсь/намерен» (*со в-оллу, дIа-й-охка книгаи*); *Воккха стаг говрана нубър тиллина в-аьлла* «Старик (букв.: большой человек) коню седло постелив закончил» (*воккха стаг в-аьлла*); *Лулахо рагIу д-ан в-ола-в-елла* «Сосед навес делать начал» (*лулахо в-ола-в-елла, рагIу д-ан*); и т.п. Наличие таких конструкций, которые имеют свои аналоги и во многих других кавказских языках, и является основанием для того, чтобы не абсолютизировать постулируемое в грамматиках многих кавказских языков и в общих работах по лингвистическому кавказоведению представление о том, что номинативное построение характерно только для непереходных предложений.

3. Двусоставные непереходные и активные переходные конструкции предложения с инфинитивным глагольным сказуемым – деепричастным по форме и причастным по значению. Такие предложения являются трансформами первых двух, приведенных нами выше, и обычно образуются и употребляются как параллельные финитно-глагольным конструкции, актуализирующие действие и событие в настоящем момента речи и одновременно переводящие предикат в категорию квалификативных предикатов. Все, что было сказано о согласовании в классе и числе с подлежащим и прямым дополнением, относится и к согласованию инфинитивного сказуемого, с той только разницей, что во втором случае

согласование регулярное и обязательное, так как в структуру предиката входит вспомогательный глагол, имеющий в своем составе классные показатели единственного и множественного числа: *Тхан юьртахой тахана берриге а маьждиге дIагулуш б-у* «Наши односельчане сегодня все в мечети собравшись/собирающиеся есть»; *Маьждигехь гулбеллари ламазе дIахIуьттуй б-у* «В мечети собравшиеся на намаз вставая/встающие есть»; *Тхо кхана лам чу садаIа доьлхуш ду* «Мы завтра в горы отдыхать идя/идушие есть»; *Бераш лечкьаргех ловзуш д-у* «Дети в прятки играя/играющие есть»; *Со селхана юьртара схьакхаьчна* ву«Я вчера из села прибыв есть»; *Церпошт кхузахь соцуш яц* «Поезд здесь останавливаясь/останавливающийся нет»; *Кехат стоьл тIехь Iуьлуш д-у* «Письмо (букв. «бумага») на столе лежа/лежащая есть»; *Стаг в-огIуш в-у* «Человек /мужчина/идя/идуший есть» – *Нах б-огIуш б-у* «Люди идя/идушие есть»; *Йиша й-оьлхуш ю* «Сестра плачет» – *Йижарий б-оьлхуш б-у* «Сестры плача/плачущие есть»; *Ваха дукха меттахь Iиддина в-у хIокху Iай* «Ваха долго/много в постели лежав/лежавший есть этой зимой» - *Цуьнан бераш дукха меттахь Iаьхкина д-у хIокху Iай* «Его дети долго/много в постели лежав/лежавшие есть этой зимой»; *Со сайн книгаш дIа-й-охка в-оллуш в-у* «Я свои книги продать собираясь/намереваясь//собирающийся/намеревающийся есть » (*со в-оллуш в-у, дIа-й-охка книгаш*); *Воккха стаг говрана нуьйр тиллина в-аьлла* ву «Старик (букв.: большой человек) коню седло постелив закончив/закончивший есть» (*воккха стаг в-аьлла в-у*); *Лулахо рагIу д-ан в-ола-в-елла в-у* «Сосед навес делать начав/начавший есть» (*лулахо в-ола-в-елла в-у, рагIу д-ан*);

4. *Двусоставные пассивные конструкции с предикатом, выраженным инфинитным глаголом или глаголом-потенциалисом, переходным по семантике и формально-грамматически непереходным (отсутствует прямой объект в форме именительного падежа; объектная по значению форма переходит в позицию подлежащего)*. Это пассивные трансформы предшествующих двух разновидностей *переходных* предложений (2 и 3). При этом реально пассивизации подвергаются не все переходные предложения, хотя формально это возможно от любого предложения с переходным (финитным или инфинитным) глаголом и прямым дополнением. Возможность пассивного преобразования оказывается обусловленной степенью распространенности предложения: чем «элементарнее» конструкция, тем легче ее преобразовать в пассивную. Как правило, легко преобразуются предложения, содержащие в себе только основные члены предложения (подлежащее, сказуемое, прямое дополнение) без распространяющих элементов или с их минимальным количеством: *Ас книга язйина* «Я написал книгу». → *Книга ас язйина ю* «Книга мною написана есть»; *Дас дечиг доккху* «Отец колет дрова» → *Дечиг дас доккхуш ду* «Дрова колются отцом»; *Лулахочо говр йоьхкина* «Сосед продал лошадь» → *Говр лулахочо*

йобькина ю «Лошадь продана есть соседом»; *Ас книга язйо* «Я книгу пишу» → *Собга книга язло* «Мною книга пишется (может писаться); *Дас дечиг доккху* «Отец дрова рубит» → *Дечиг дега даккхало // Дега дечиг даккхало* «Дрова отцом рубятся (могут рубиться)».

5. Особое место в системе номинативных конструкций занимают те, которые грамматическая традиция выделяет в качестве *аффективных «конструкций» предложения*, рассматривая их в одном ряду с номинативной и эргативной конструкцией как самостоятельные типы с *грамматическим* подлежащим, выраженным в дательном, родительном и местном падежах в принципе только на том основании, что эти словоформы выражают субъектное значение, при этом обычно не всегда уточняя, о каком именно субъекте идет речь и является ли эта форма единственной, выражающей в предложении семантику субъекта. Между тем актанты глагольного сказуемого в таких предложениях не являются в строгом смысле такими же актантами, которые характерны для переходных конструкций, равно как глагольное сказуемое по своим семантико-синтаксическим признакам – не такой же переходный глагол, что и в переходных эргативно и номинативно построенных предложениях, рассмотренных выше. Форма именительного падежа (абсолютив), которая в такого рода предложениях квалифицируется как прямое дополнение, является в такой же степени объектом и субъектом обозначенного глаголом процесса, в какой является тем и другим форма дательного или иного косвенного падежа. В предложении *Клантана йоI еза* «Юноша любит девушку»// «Юноше любитя девушка» фактически два субъекта, один из которых является источником состояния, другой его испытывает. В этом случае из двух словоформ логично выбрать в качестве субъекта грамматического тот, который соответствует этой функции своей формой, а это, несомненно, именительный падеж. Надо полагать, именно это в первую очередь имел в виду П.К. Услар, рассматривая чеченские предложения с *ви́эза – лю□бится* (jiēza, diēza, biēza) как страдательные, исходя из своих переводов предложений типа *Сен дёна суо ви́эза* как «Моему отцу я люблюсь», более правильных, во всяком случае, чем «Мой отец меня любит» [3]. Вместе с тем отнесение П.К. Усларом таких предложений к страдательным (пассивным) не кажется правильным решением. Это, скорее всего, *вnezалоговые* номинативные конструкции, нейтральные к пассивным преобразованиям. Залоговая нейтральность обусловлена тем, что в них нет прямого дополнения, которое можно было бы однозначно определить как объект однонаправленного действия, способный предстать в трансформе как грамматическое подлежащее.

II. Неглагольные номинативные конструкции предложения.

Неглагольными мы называем такие построения предложений, в которых в качестве одного из главных членов – сказуемого – употребляется не глагол, причем имеется в виду

глагол в финитной форме, так как в двусоставном предложении инфинитные формы являются квалифицированными предикатами, характеризующими подлежащее по принадлежащему ему признаку. Следовательно, в принципе в эту группу входят любые двусоставные предложения без глагольного сказуемого, в том числе и те, в которых подлежащим является, кроме имени существительного, местоимения или прилагательного в именительном падеже, любая другая словоформа, скажем, наречие в предложениях типа *Арахь – чохь дац* «На улице – это не внутри». Подобные предложения, однако, не получили широкого распространения в чеченском языке, в котором основной формой выражения подлежащего является номинатив (абсолютив) имени или местоимения.

В чеченском языке (равно как в целом в нахских языках) выделяются следующие разновидности неглагольных номинативных конструкций предложения.

1. Предложения (нераспространенные и распространенные) с подлежащим, выраженным именительным падежом имени существительного, и составным именным сказуемым, в котором основным компонентом является также именительный падеж существительного, при котором связка обычно выражена, но может быть и опущена. Следовательно, это конструкции, соответствующие схеме **Nabs (cop) Nabs**: *Вахарсолта хьехархо ву* «Вахарсолта учитель (есть)»; *Габакх хастом бу* «Дыня овощ (есть)»; *Дешар – серло, цадешар – бода* «Ученье – свет, неученье – тьма»; *Дика бераш – моз, вон бераш – цюз* «Хорошие дети – мед, плохие дети – саранча»; *Дика зуда – бахам, вон зуда – бохам* «Хорошая жена – богатство, плохая жена – волк». Конечно, это не только утвердительные, но и отрицательные предложения: *Ча докъар а дац, морза сагла а дац* «Солома не сено, сыворотка не милостыня»; *Зудчо вина къонах и яллалц бен вац къонах* «Женой сделанный мужчина до ее смерти только мужчина».

2. Предложения с именным составным сказуемым в форме именительного падежа существительного и подлежащим, выраженным масдаром – отглагольным существительным, соответствующие схеме **Nmasd. (cop) N abs.**: *Чохь ерг дIаьлар – комаьршалла* «В доме что есть отдавание – щедрость»; *Зудчун, майрачун эгIар хи чу Юьттина гIаж санна хIума ду* «Жены и мужа ссора в воду воткнутая палка как вещь есть»; *Дукха лер дети делахь, ца лер деши ду* «Много говорение серебро, хотя есть, не говорение – золото есть».

Список литературы

1. Керимов К.Р. К вопросу о показателях грамматических классов в структуре глагола хиналугского языка. // ЕИКЯ, XI. – Тбилиси, 1984. – С. 149-157.

2. Магомедов А.А. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. // ЕИКЯ, III. – Тбилиси, 1976. – С. 203-218.
3. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888. – 246 с.
4. Халидов А.И. Сопоставительно-типологический анализ односоставных конструкций русского и чеченского языков. // Синтаксис вайнахских языков. – Грозный, 1986. – С. 68-80.
5. Чрелашвили К.Т. К вопросу об образовании множественного числа в чеченском языке. // Известия ЧИНИИИЯЛ, том V, вып. 2, «Языкознание». – Грозный, 1964. – С. 168-181.
6. Навразова Х.Б. Структурные особенности предложения в чеченском языке. // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». – Майкоп, 2001. – С. 127-128.
7. Навразова Х.Б. Семантическая организация простого предложения чеченского языка. // Материалы региональной научно-практической конференции «Вузовская наука – народному хозяйству», 4-5 июня 2002 г. Грозный, 2003. – С. 209.
8. Навразова Х.Б., Буралова Р.А. Модальность достоверности в чеченском предложении. // Материалы региональной научно-практической конференции «Вузовская наука – народному хозяйству», 4-5 июня 2002. – Грозный, 2003. – С. 210.
9. Халидов А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Грозный, 1999. – 324 с.
10. Халидов А. И. Нахские языки в типологическом освещении. – Нальчик, 2003. – 310 с.

Рецензенты:

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный;

Сулейбанова М.У., д.ф.н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.